

Виктор Цветковс

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Здесь все мои Друзья, которых я
очень люблю

Виктор Цветковс
Здесь все мои Друзья,
которых я очень люблю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66427218

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказ, по иронии судьбы, был начат во Всемирный день предотвращения самоубийств.

"Иногда, когда я говорю со стенами,

То они отвечают мне матом."

Содержит нецензурную брань.

Виктор Цветковс

Здесь все мои Друзья, которых я очень люблю

Предисловие:

Данный рассказ был создан в потоке сознания в две сессии. Наличие некоторых синтаксических ошибок допущено сознательно.

Также хочу выразить несколько благодарностей.

Первая благодарность – моим друзьям Дарье и Артуру, за то что провели со мной крайне полезные и важные для меня беседы между двумя вышеназванными сессиями. Ваше упоминание здесь – лишь то малое, как я могу вас отблагодарить.

Вторая благодарность – группе Unwound за их альбом *Leaves Turn Inside You* 2001 года выпуска. Во время прослушивания именно этого альбома я нашел необходимое настроение для создание этого рассказа, а потому, вполне вероятно, подсознательно взял ряд образов из их текстов. Если вы любитель читать книги под соответствующую музыку, то знайте – я не рекомендую слушать этот альбом на фоне во время чтения, но готов посоветовать его для прослушивания уже после ознакомления с текстом.

И третья благодарность, а вместе с тем и просьба – тебе,

мой дорогой читатель. Благодарность за твой интерес и твое время. Просьба же – ознакомится с моим рассказом крайне внимательно и читать его как можно более медленно. Не с целью принизить твои читательские способности или возвысить меня над тобой я это говорю. Лишь закрепляю наше дальнейшее сотрудничество в твоей голове: я тебе историю и чувства, ты мне время и внимание.

Приятного чтения и заранее благодарю за все еще раз всех.

Я снова здесь.

В этом болоте.

Оно вообще всегда со мной, всегда рядом. Как две параллельные линии, рельсы идущих навстречу друг-другу поездов. В одном поезде я еду большую часть моей жизни, и вообще не замечаю второй напротив. Но иногда я перехожу по подземному проходу под путями к соседнему поезду. Делаю я это незаметно для себя, как будто в полудреме. Порой я лишь заглядываю на остановку и на этот второй поезд. А иногда я остаюсь там надолго и меня начинает тянуть внутрь. И вот я уже сел в него, двери захлопнулись, экипаж отправляется.

И он всегда привозит меня сюда,

На это болото,

К этому Дому.

Такие Дома у каждого есть, я думаю. Я построил его с ро-

дителями, как и все. Многое делали только они, сами. Стены, каркас, прочие слова, которые я сейчас не вспомню. Я лишь закончил их работу. Внутренняя планировка и все его жители – вот мое творчество. Видели бы итог моей работы мои родители.

Они бы мной гордились.

Кого я нашел себе, кого поселил в Дом. Эти ребята, которые ошивались рядом. В этих холодных, темных водах. В этом кислом тумане. Они стали мне настоящими Друзьями со временем. Я их люблю.

Дом надежный, крепкий. В нем я чувствую себя Королем этих мест. Чувствую себя Бабой Ягой в избушке на курьих ножках. Да, он кривоват, балки и доски торчат во все стороны на метр-полтора, каркас из двух огромных поленьев пророс в землю. Теперь точно напоминают курьи ножки. Но он мой.

А еще он весь выцвел, как будто кто-то сфотографировал его на пленку и обработал ее серебром. А был ли он вообще цветным, ярким? Здесь это было бы странно. Здесь вообще цвета мало. Он мне тут не нравится.

Я смотрю на него и у меня еще сильнее бьется сердце. Я волнуюсь. Страх как хочу увидеть своих друзей!

Я захожу.

Хорошо знаю эту планировку. Я ее сам выдумал. Признаюсь, она перегружена. За одной и той же дверью разные комнаты, а коридор всегда приведет тебя в новую. Я сам в ней

давно запутался, если по уму. Но по уму я тут и не хожу. Я просто знаю сам, куда хочу идти, и дом вторит моим желаниям. Есть у меня маленькое подозрение, что он знает меня лучше чем я сам.

Вот мне захотелось пойти в ванную комнату.

А там я встретил своего Друга.

Железку.

Я с ним не так близко знаком как с остальными, но все равно отношусь к нему хорошо. У него есть своя харизма. Он весь в крови. На нем нету кожи. Отовсюду торчит металл. Металл растет прямо из него, обвивает его конечности, торс, голову, как рамка, как медицинская шина, и торчит заостренными краями лезвий и ножей во все стороны. Из его предплечий растут тлеющие сигареты. Наверное растут. Они постоянно тлеют и дымятся, но никогда не становятся короче.

Наверное растут.

Я стою и смотрю на него. Он стоит и смотрит на меня. Мы давно не виделись. У него все так же есть эта харизма.

Хочу с ним поздороваться и обнимаю его.

Мне больно.

Боль здесь совсем другая. Она как пламя, которое начало гореть в другую сторону. Я не хочу схватиться за болючее место и отдернуть его от источника урона. Я хочу закрыть глаза.

за и начать видеть ее. Присмотрюсь получше. Увижу в себе волнения и адреналин, увижу в себе то, что не могу с этими волнениями справиться, увижу свое нежелание и перенос ответственности в другие руки, увижу самые слабые точки каркаса Дома.

Открываю глаза и мне все еще больно.

Окна дома открылись.

Мысли проветрились.

Я ухожу из ванной и иду дальше.

Я прихожу в спальню. Тут мой Друг, завернутый в целлофан, как мусорный пакет. За эту его привычку прятаться я зову его Мусором. Он прячется в ней, прячет свое уродство. Свои глаза, свои свисающие, как у старой девы, груди, свои торчащие ребра, свой чересчур широкий таз, свой уродливый шрам на месте паха. “Небрит, волосат, характер прескверный, не женат.” Под целлофаном не видно ничего, даже его длинный, когтистых рук.

Может он себя ласкает там, под ней?

Он не любит когда в его сторону не так смотрят. Я стараюсь ему приветливо улыбнуться. При правильном подходе он раскрывается, как цветок на солнце. Показываю пустые руки, здороваюсь, не кривлю душой в своих намерениях. Он наверняка почувствует, что я с ним честен.

Целлофан приспускается, и я вижу его тело и все его глаза. У него много глаз. Очень. Радуюсь за него каждый раз, когда я вижу, как он доверяет мне.

Целую его.

Мне нравится думать, что я могу быть чьим-то Солнцем.

Далее кухня. На кухне нет еды. Есть только Друг, у самого потолка. Увидела бы его мать – сказала бы “кожа до кости”. Вру. Только Кожа. Так его и называю. Подмигивает мне, как будто всем торсом. Мы недавно ссорились, но он вроде уже отошел от этого.

Он давно ничего не ел, по нему это видно. Не собирает-ся унывать, поест когда посчитает нужным. Он говорил мне, что без еды он ощущает легкость, настолько сильную, что как воздушный шарик поднимается к потолку, прямо как сейчас. Если он поест, то ему будет хуже. В кухне после прошлого раза все еще стоит запах рвоты.

Мне кажется, что ему нравится этот запах.

Как-то я находил пакеты с этим запахом у него под кроватью.

Покидаю его и иду в темный коридор. Там лежит Друг. Когда я вижу его, мне вспоминаются легенды о троллях. Никогда не видел троллей здесь, но эта мысль при виде него приходит мне в голову не впервые. Поэтому и назвал его Троллем. Слышал, что тролли выглядели как угловатые кости с мясом, соединенные запутанными сухожилиями. Не знаю, правда ли это, но знаю, что так выглядит мой друг. Гири, покрытые кожей и жилами вместо конечностей. Тяжелый, шумный. Лежит на полу, в темноте. С такой комплекцией вообще двигаться трудно, вот он и лежит постоянно.

Он мой самый близкий Друг. Ему трудно дается время. Он говорит, что оно проносится сквозь него. Как будто он замер посередине водопада и падающая вода проносится постоянно мимо. Предлагаю ему покурить. У сигареты странный аромат. То ли аммиака, то ли мочи.

Курим мы молча. Ему тяжело разговаривать. Он погружен в свои мысли, я в свои. Мы близкие друзья и в такие моменты мне хочется думать, что наши мысли направленные друг на друга. Обдумываем невысказанное. Не знаю, что он думает обо мне, надеюсь только хорошее.

Я обдумываю его слова о водопаде.

Если бы он мог, он бы полез вверх по нему, или вниз?

Комнатка за комнаткой, дверка за дверкой, я обошел всех своих друзей. С каждым я поздоровался, каждый мне что-то сказал. Но чем дальше я иду, тем больше я чувствую как Дом сжимается. Все комнаты, коридоры, что были где-то вокруг меня. У меня появляется уверенность, что они остались позади. Теперь лишь один коридор, который ведет меня лишь к одной комнате.

В этом коридоре огромное окно. Оно похоже на церковный витраж: яркое, цветное, преломляет свет с обеих сторон в странный калейдоскопный узор. Но я отчетливо вижу всех с другой стороны. Там мужчины и женщины. Я их знаю очень хорошо. Я с ними пересекаюсь постоянно, там, в первом поезде, где я бываю чаще всего. Мы постоянно пересекаемся с

ними там. Они видят меня и начинают подходить.

Я отхожу от окна. Недостаточно далеко, чтобы они все еще могли меня видеть. Но не настолько близко, чтобы они не могли до меня дотянуться.

Я говорю с ними.

Некоторых из них я знаю давно и что у этого окна, что в том первом поезде, мы пересекаемся часто, уже много лет. Некоторых из них я начал видеть здесь недавно, однако они все равно сюда приходят раз за разом, чтобы поговорить со мной и увидеть меня. Всем им я благодарен за это. Иногда среди них бывают и другие, более нетерпеливые. Они появляются, как из ниоткуда, разговаривают со мной активнее других, всматриваются в стекло, подходят к нему в упор, раздеваются перед ним. Но практически все они быстро теряют интерес. Уходят и не возвращаются. Но даже тем я благодарен, за то, что они все равно приходили.

Я говорю с ними.

Я вижу их всех. Они так похожи на меня, а не на моих друзей здесь, в этом Доме. Но они все равно другие, отличны от меня. Они стоят в саду, освещенном ярким полудним солнцем, в саду, полном цветущих персиковых и вишневых деревьев и посреди фонтанов, бьющих ключом. Из-за стекла я вижу их еще более яркими. Не такими, как я.

Не знаю, каким они видят меня. Это стекло наверняка как-то меняет и мой вид, что они видят меня искаженным, ярким, всего в красках. Может это стекло не такое односто-

роннее? Может и они ни в каком не в саду, а сами сидят в своих Домах, таких же как мой, и разговаривают со мной оттуда? Этого я не могу узнать.

Я прощаюсь с ними.

Цвет блекнет.

Окно пропадает.

Я снова прихожу в себя в очередном коридоре. И чувствую себя... холодно. Все внутри меня похолодело, превратило мои внутренности в снег и лед, от чего я дрожу. Все еще думаю о тех, за стеклом.

Я влюблен в них. Влюблен в них всех. Влюбленность ассоциируется у меня с поэтом золотого века, утонченного романтика, который готов в любой момент выпрыгнуть из штанов, чтобы подарить своей даме цветы и посвятить ей свои стихи. Нет, не та влюбленность. Скорее, влюбленность пациента больницы, человека в тяжелом положении, которому его невестка каждый день приносит апельсины в палату.

Как бы я хотел, чтобы они пробились через это стекло ко мне, сюда! Но от этих мыслей лед еще сильнее сковывает мои легкие и кишки, так что я почти чувствую надвигающийся буран.

Растираю себе грудь, чтобы согреться. Надо двигаться дальше.

Остался один коридор.

И одна дверь.

Но перед ней я все равно встаю как вкопанный. Ведь за этой дверью особая комната. Крайне особая комната.

Не знаю даже, сколько я так простоял. Потихоньку ко мне начали подходить (подлетать? подползать?) все мои Друзья. Железка из ванной. Мусор из спальни. Кожа с кухни. Тролль из коридора.

Они все стоят сзади меня и ждут. Они понимают, как это важно для меня, открыть эту дверь.

Но еще сильнее они знают, как важно для дома, чтобы я открыл эту дверь.

Но мне так страшно!

Это такая ответственность!

А я боюсь ответственности.

У моих мыслей отрастают ноги. Они надевают кроссовки, разминаются и начинают играть в мяч на выбивание.

Свист!

Ответственность. От слова ответ, да? Перед кем держать ответ? Перед Богом? А что есть Бог? Это мои родители? Это я сам? Это каждый человек, дом, тростинка, деревце, птичка, весь мир? И как мне, черт возьми, держать перед ними ответ, если я даже не понимаю вопрос? Я сам хочу задать вопросы Богу! Может это ему стоит мне отвечать?

Игра продолжается.

А этот страх. Он такой сковывающий, такой тревожный.

Чего я так боюсь? Я точно не боюсь Бога, потому что если Бог и есть, то я его встречаю каждый день. Я не боюсь Его ответов на мои вопросы, потому что если они правдивы, то я об этих ответах и так догадываюсь в своем сердце. Я не боюсь и Его вопросов, потому что все мне их задают. Чего я боюсь в этом отстаивании перед Ним? Я боюсь самого себя, держащего ответ самому Богу? Или я боюсь того момента, когда каждый мой ответ уже будет выстоян мною лично перед Ним?

Половина игроков уже выбыла!

Но так или иначе все идет к этому. Каждый говорит с Богом когда-то, в таких домах. И я не исключение. Но этот разговор происходит не за этой, последней дверью. Нет.

Он происходит каждую секунду, каждый твой шаг в коридорах и комнатах твоего Дома.

Последние два игрока встают друг напротив друга.

За этой дверью – нечто совсем иное. Там действительно комната, но особая. Там моя жилая комната, в которой я живу. Там моя мастерская, в которой я творю. Там мой Рим, в который я проложил все дороги.

Там мой ответ.

И мой вопрос.

И у нас есть победитель!

Игра окончена. Все поздравляют победителя. Самую тихую мысль, все предыдущие игры тихо сидевшую в углу зала. Но то была другая игра. Что-то в этой мысли момен-

тально изменилось и она превратилась в настоящего зверя. Что было тем поворотным моментом?

Кажется я догадываюсь.

Я открываю дверь и вхожу.

Друзья входят со мной.

Это комната цветет невиданными для других людей цветами. Она звучит ранее не слышными звуками. В ней ожидают и живут сцены и люди, которых ни я, а может и никто другой, никогда доселе не встречал.

Здесь я закрываюсь и творю.

Никогда раньше в полной мере я не осмысливал значение этой комнаты. Я знал ее назначение для меня, знал ее назначение в планировке дома.

Но теперь до меня наконец-то дошло.

Поворотный момент?

И ответ, и вопрос.

Раньше это было комната поджигателя, что сжигал здесь мосты.

Сейчас я сделаю ее комнатой архитектора, что мосты возводит.

Молодец, чемпион. Это была твоя лучшая игра.

Я сажусь и начинаю усердно работать. Это займет несколько дней, но я справлюсь.

Друзья протестуют. Они просят, умоляют меня вернуться к ним, в другие части дома. Не хотят, чтобы все выводилось на

поверхность. Зачем мутить воду, делай как было раньше. Не виню их, думаю они прекрасно понимают мою мотивацию и мои стремления. Просто как раньше быть больше не может.

Посылаю их куда подальше. Они не таят обид, говорят, что в следующий раз, когда я приду снова, они снова будут рады меня видеть. Пускай уходят. Моя жизнь еще длинная, я успею со всеми ними увидеться не раз.

Меня начинает клонить в сон.

Я работаю усердно. Настолько, насколько могу. Один, как я привык.

Я засыпаю.

Я описываю этот Дом. Я описываю своих Друзей. Пускай остальные познакомятся с ними. Понимаю, что выглядят они со стороны довольно пугающе. Это забавляет.

Кто-то берет меня на руки и сажает в поезд.

Я описываю эмоции и чувства, что преследуют меня здесь. Понимаю, что преследуют они меня всегда.

Поезд привозит меня в депо.

Я создаю Что-то. Что-то, что можно сравнить с табличкой на стене в древнем городе. Не все ее прочитают, еще меньше поймут, но каждому, кто хотя бы взглянет на нее, я буду во-истину благодарен. Что-то, что можно сравнить с письмом близкому человеку. Оно не может быть отправлено каждому, но оно будет наполнено такой чувственностью, которую я только могу вложить в него.

Как лунатик, я во сне брожу по депо, по коридорам и переходам. Я прихожу в тот самый, первый поезд.

Чем больше я работаю, тем больше я понимаю, что нет никакого Бога, чтобы держать перед ним ответ. Я сам создаю ответ на свой же вопрос. Я сам задаю вопрос, исходя из чувства, что я способен дать на него ответ.

Я закончил.

И просыпаюсь в поезде нормальной жизни.

Теперь, про это должны узнать другие.

На секунду я прихожу в себя, будучи президентом огромной страны. Я готовлюсь к пресс-конференции, где нужно сказать что-то короткое, итог всей работы. Сначала меня тошнит и передергивает от того, насколько же это все эгоцентрично. Затем я понимаю, что нельзя быть творцом, не будучи эгоцентриком.

Если ты не хочешь, чтобы тебя читали миллионы, то не стоит писать и строчки.

Меня бьет адреналин, от чего ужас как хочется пить. У меня усиливается тремор. Сводит живот.

Если бы я действительно был бы президентом и мне нужно было бы что-то сказать...

Я бы говорил о Домах.

Говорил бы о Друзьях.

Говорил бы о Любви.

О том, что не стоит бояться своих Домов на болотах. От

Них никуда не денешься, но хоть там и страшно, и холодно, это остается тем местом, где ты можешь быть с собой максимально честен.

О том, что не стоит сторониться своих Друзей. Они страшны и неприглядны, это правда. Но Они всегда слушают тебя. И своим уродством они оттеняют твои собственные слабости. Они впитывают их в себя, чтобы потом, ты мог ехать в своем поезде жизни без них.

Свой Дом стоит Любить.

Своих Друзей стоит Любить.

И это та Любовь, к которой нужно быть готовым в любой момент, как к атаке.

А когда ты возлюбил Их всем сердцем...

... то ты должен послать Их нахуй!

И проснуться абсолютно бодрим в поезде.

Заново.